

Надежда Щемерова
Саранск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ ЭРЗЯНСКИХ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Лексическое развитие детей представляет собой длительный процесс количественного накопления слов, освоения их социально закрепленных значений и формирования умения использовать их в конкретных условиях общения. Механизмы такого усвоения и накопления в ситуации детского билингвизма, его разновидности изучаются психолингвистами, языковедами, психологами и методистами. При этом следует отметить, что однозначные данные об уровне лексического развития дошкольников-билингвов в ситуации неблизкородственного двуязычия (в частности, мордовско-русского и русско-мордовского) отсутствуют. Есть исследование эрзянской речи детей 3–7 лет, в котором представлен ее морфологический и синтаксический анализ (Мосина 2001).

Мы рассмотрели проявление интерферентных явлений на лексико-семантическом уровне в русской (устной и письменной) речи эрзянских дошкольников и младших школьников. Результаты анализа исследуемого материала позволили выделить 3 основных типа межъязыковой интерференции в области лексики: перенос слов родного языка в русский контекст; субституция слов русского языка под влиянием унифицированного выражения обозначаемых ими понятий в эрзянском языке; нарушение правил лексической сочетаемости единиц русского языка при отождествлении синтагматических связей соотносимых слов эрзянского и русского языков.

1. Употребление слов родного языка в русском контексте

В русской речи эрзянских детей лексические ошибки такого типа наблюдаются, главным образом, в употреблении русских заимствований, вошедших в лексическую систему эрзянского языка. Подобные нарушения лексических норм русского языка в значительной мере

обусловлены воздействием не только лингвистических, но и социальных факторов. Дальнейшее развитие эрзянско-русского двуязычия, нормирующее воздействие процесса школьного обучения, укрепление роли русского языка как средства межнационального общения в республике, стремительное развитие средств массовой коммуникации и возрастание их значения в жизни современного человека в большой мере способствуют тому, что заимствованные лексические единицы, издавна вошедшие в систему родного языка, стали осознаваться его носителями как принадлежащие к лексической системе эрзянского языка. Поэтому особенности фонетико-фонологической, морфологической и семантической структур русских словарных заимствований в эрзянском языке (*пуль* в.м. «пыль», *столь* в.м. «стол», *скамика* в.м. «скамейка», *розь* «рожь» и т.д.) билингвы могут переносить и в русскую речь. Однако следует отметить, что чем выше степень владения русским языком, тем ближе структура перенесенного заимствованного слова к своему корреляту в русском языке.

Часто исконные слова родного языка переносятся детьми в русскую речь, например: *У мальчика из губы потекла верь* (в.м. «кровь»). (Дш: 6)¹; *На тротуаре как шлакнусь!* (в.м. «шлепнусь»). (Дш: 7); *Дядя теньци* (в.м. «подметает»). (Дш: 6); *Мальчик несет ведь* (в.м. «воду»). (Дш: 6); *Девочка лепит утяку* (в.м. «утку»). (Дш: 7); *Петя вальму моет* (в.м. «окно»). (Дш: 7); *Мальчик ест яблук* (в.м. «яблоко») – в данном диалекте эрзянского языка бытует *яблук* вместо литературного *умарь*. (Мш: 8); *Мальчик сидит столь лангсо* (в.м. «на столе»), *ловит рыбы* (в.м. «рыбу»). (Мш: 8); *Теть цыпленки* (в.м. «это цыплята») на улице ходят. (Дш: 7); *Эта девочка одета платиями* (в.м. «в платье»), *на голове паця* (в.м. «платок»). (Дш: 6); *Построили скамику* (в.м. «скамейку») – в говоре с. Андреевка и с. Алово Атяшевского района РМ наряду с литературным *эзем* употребляется *скамика*. (Дш: 6); *Мы катались на лишме* (в.м. «на лошади»). (Дш: 6); *Когда печешь хлеб, пряки* (в.м. «пироги»), *то идет дым*. (Дш: 6); *Эта девочка тоже суп пидивает* (в.м. «варит»). (Дш: 7); *Кушает маленькая девочка супчик ложкой, ваканом* (в.м. «из чашки»). (Дш: 6); *Мальчик строит кудыне* (в.м. «домик»). (Мш: 7); *Встаю рано утром, потом сделаю зарядку, чищу зубы, умоюсь и завторкаю* (в.м. «завтракаю»). (Мш: 10) – это явление связано с тем, что в эрзянском языке русская лексема «завтракать» произно-

¹Здесь и далее: МШ – младший школьный возраст, ДШ – дошкольный возраст. После двоеточия указывается возраст ребенка.

сится «завторкамс»; **Спелой розь** (вм. «спелая рожь») как *бутьто жолтое море*. (Мш: 10); **Розь косят комбайнами** (Мш: 9) – в мордовских языках слово «рожь» произносится в форме «розь»; **Я бу** (вм. «бы») *этому теленку поставила имя Звёздочка*. (Мш: 10) – частица «бы» в эрзянском языке употребляется в форме «бу»; **Потом пришли Витя и Ваня ды кепедимизь монь** (вм. «и подняли меня»). (Мш: 8).

Из приведенных примеров видно, что морфологическая структура, а в письменной речи и написание перенесенных билингвами в русскую речь слов родного языка могут оставаться неизменными. Однако характерным явлением можно считать также изменение эрзянского слова в соответствии с закономерностями, действующими в русском языке (*платиями, скамику* и др.). Такие лексические нарушения наиболее устойчивы на начальном этапе формирования эрзянско-русского двуязычия, но они имеют место и на последующих этапах овладения русским языком. Так, М. Р. Биушкина, исследовавшая особенности смешанного мордовско-русского двуязычия мордвы-эрзи Башкирии, приводит следующие примеры взрослой речи: **Ладна, как-нибудь уш валске придешь** (вм. «Ладно, как-нибудь уж завтра придешь»). *Ты, Сашка нать забыл бабушка* (вм. «Ты, Сашка, **наверное**, забыл **бабушку**») и др. (Биушкина 1978: 9, 22).

Аналогичные примеры взрослой речи приводит в своей работе Т.А. Исаева: **Скалось подоить нада** (вм. «**Корову** подоить **надо**»). *Дом-от нек большой, но некрасивой* (вм. «Дом-от **очень** большой, но **некрасивый**») и др. (Исаева 1965: 130).

2. Субституция русских слов

Очень распространенным типом нарушения лексических норм в русской речи билингов является субституция русских слов в случае, когда в родном языке с ними коррелирует одна лексема. Следует, однако, отметить, что речевые ошибки данного типа не являются однородными. В специальной литературе уже указывалось на необходимость изучения не только вопросов взаимодействия элементов контактирующих языков, но и особенностей функционирования элементов языка, подвергшегося интерференции в условиях языкового контакта.

В зависимости от характера отношений между словами русского языка, подвергшимися субституции в русской речи эрзяноязычных билингов в рамках рассматриваемого типа интерферентных явлений, нами выделено несколько групп.

2.1 Субституция однокоренных слов русского языка, различающихся префиксами

Данное нарушение лексических норм русского языка – весьма распространенное явление на всех ступенях эрзянско-русского билингвизма.

Для эрзянского языка не характерен префиксальный способ словообразования, поэтому вполне закономерным явлением в русской речи эрзянских детей можно считать недодифференциацию значений однокоренных слов русского языка, различающихся префиксами. К тому же нередки случаи, когда в эрзянском языке с ними соотносится одна лексема, различные значения которой реализуются в контексте, не получая формального выражения, как это имеет место в отношении ее коррелятов в русском языке. Не зная русских лексических эквивалентов такого многозначного слова родного языка и особенностей их сочетаемости, билингвы допускают ошибочную замену соотносимых лексических единиц русского языка, например:

Ёж завернулся (вм. «свернулся») *в клубок* (Дш: 7). В данной фразе имеет место субституция глаголов *завернуться* «обернуть что-нибудь вокруг себя; вертясь закрыться, завинтиться и т.д.» и *свернуться* «сложиться, скрутиться; лечь согнувшись...» (Ожегов 1990: 202, 699). В эрзянском языке данные значения рассматриваемых лексем входят в лексико-семантическую структуру глагола *тапардавомс* «свернуться, завернуться и т.д.».

Земля от холода вся примерзла (вм. «промерзла») (Мш: 10). В приведенной фразе глагол *промерзнуть* «затвердеть от мороза; сильно замерзнуть» заменен глаголом *примерзнуть* «прилипнуть под действием холода, мороза» (Ожегов 1990: 592, 613). В эрзянском языке с глаголами *примерзнуть* и *промерзнуть* соотносится глагольная лексема *кельмемс* «замерзнуть, промерзнуть и т.д.»;

Змея выбросилась (вм. «набросилась»), *тот (ежик) поднял иголки* (Мш: 10). Глагол *наброситься* «бросившись, напасть на кого-нибудь...» заменен глаголом *выброситься* «броситься вниз откуда-нибудь» (Ожегов 1990: 373, 113). В эрзянском языке коррелятом глаголов *наброситься* и *выброситься* является слово *каявомс* «кинуться, броситься, накинуться, набросится».

Серезжа и Маша накинулись (вм. «кинулись») *к окну* (Мш: 8). В предложении глагол *накинуться* «стремительно броситься, напасть», использован вместо слова *кинуться* в значении «быстро, резким движением направиться, устремиться куда-либо». В эрзянском языке эти

значения выражаются глаголом *каявомс* «кинуться, бросится, накинуться, набросится»;

(Водителю) *Теперь перевернитесь* (вм. «повернитесь») *вон туда* (Мш: 10). Коррелятом глаголов *перевернуться* «повернуться с одной стороны на другую, повернуться противоположной стороной» и *повернуться* «вращательным движением или ворочаясь изменить положение» в эрзянском соответствует один глагол *велявтомс* «повернуться, перевернуться».

На улице упал (вм. «выпал») *снег* (Дш: 6; 7; Мш: 8; 9; 10). Глагол эрзянского языка *прамс* коррелирует в русском языке с лексемами «упасть, выпасть, пасть», поэтому эта фраза в речи эрзянских дошкольников и младших школьников является закономерной.

Таня убежала (вм. «выбежала») *из-за дома* (Мш: 9). В русском языке *убежать* «уйти, удалиться откуда-нибудь бегом...», *выбежать* «удалиться откуда-нибудь бегом» (Ожегов 1990: 819, 113), в эрзянском языке значение этих глаголов передается одним словом *чиемс* «бежать, выбежать, отбежать и т.д.».

У самолета повалилось (вм. «отвалилось») *одно крыло* (Дш: 7). *Повалиться* (*валить – валиться*) «обрушивать вниз, заставлять падать...» (Ожегов 1990: 72), *отвалиться* «отделившись, упасть...» (Ожегов 1990: 465), эрзянский коррелят – *прамс* «лутавомс, сяворемс».

Осенью листья желтеют и выпадают (вм. «оппадают») (Дш: 6; Мш: 8). Русским глагольным лексемам *выпадать* (*выпасть*) «вывалиться наружу, вывалиться...» и *опадать* (*опассть, осыпаться*) «о растениях: уронить (созревшие семена, лепестки, листья)» (Ожегов 1990: 120, 363) в эрзянском соответствует *прамс* «упасть, выпасть и т.д.»;

И вот разожглись (вм. «зажглись») *на елке фонарики* (Дш: 6). Коррелятом русских глаголов *разжечься* и *зажечься* в родном языке ребенка является слово *кирваземс*.

В русской речи эрзянских детей нередки случаи субституции однокоренных слов, различающихся префиксами, коррелятами которых в эрзянском языке являются разные лексемы:

Иней покрасил (вм. «украсил») *деревья* (Мш: 9). *Покрасить* «покрыть или пропитать краской, красящим составом; придавать красоту кому-нибудь, чему-нибудь» (Ожегов 1990: 304), *украсить* «придавать чему или кому-нибудь красивый вид, сделать нарядным, наряднее», в эрзянском – «покрасить» *артомс* (*красямс*), «украсить» – *мазылгавтомс*. *Аленушка села и растянула* (вм. «вытянула») *ноги* (Мш: 10). В

родном языке «растянуть» – *кувалгавтомс (таргамс)*, «вытянуть» – *венстемс*.

Далее: *И вот ребята нашли место, где лед еще не сплыл* (вм. «не уплыл») (Мш: 9); *Ранним утром когда лес спит, **взоходит*** (вм. «восходит») *семицветная радуга* (Мш: 10); *Если хорошее она **подвизгивала*** (вм. «повизгивала») *и бежала на встречу* (Мш: 10) – мы относим к явлениям внутриязыковой интерференции, признавая, однако, условность такого разграничения в целом ряде зафиксированных нами случаев.

2.2 Субституция слов, имеющих близкие значения, разграничение которых в русском языке может быть осуществлено лишь с помощью выявления особенностей их сочетаемости

Так, в русском языке лексемы «беседа» и «разговор» соотносимы с лексемой эрзянского языка *кортнема*. В русской устной и письменной речи детей-эрзян встречаются следующие предложения: *Сегодня у нас был **разговор*** (вм. «беседа») *о природе*. (Мш: 8); *Из **беседы*** (вм. «разговора») *родителей и старшего брата она узнала об этом*. (Мш: 10).

Примеры неверного употребления слов русского языка, близких по значению, но различающихся своей лексической или синтаксической сочетаемостью:

Русские глаголы *управлять, руководить* – эрзянский *ветямс*: *Президент **управляет*** (вм. «руководит») *всей страной*. (Мш: 10). Рус. *быстро, скоро* – эрз. *курок*: *Я **скоро*** (вм. «быстрее») *зашла в свою комнату*. (Мш: 9). Рус. *беспокоиться, заботиться* – эрз. *мелявтомс*: *Дети должны **беспокоиться*** (вм. «заботиться») *за престарелыми родителями*. (Мш: 9). Рус. «остынуть, замерзнуть» – эрз. *кельмемс*: *У меня **чай замерз*** (вм. «остыл»). (Мш: 10);

Слова *изучать, выучить, учить, учиться, заниматься* обозначают «приобретать знания», и все они на эрзянский язык переводятся одним словом *тонавтнемс*. Поэтому, уподобляя пять слов русского языка одному эрзянскому слову *тонавтнемс*, дети говорят: *Я **изучил*** (вм. «выучил») *стихотворение*. (Дш: 7); *Мы **изучаем*** (вм. «учим») *правила* (Мш: 7; 8); *Мой брат **учит*** (вм. «учится») *в университете*. (Дш: 6);

2.3 Субституция лексем русского языка в результате отождествления их семантических структур, имеющих в своем составе лишь один или несколько синонимичных лексико-семантических вариантов

Лексемы русского языка *потеплеть* и *согреться* синонимичны в значении «стать теплым». Помимо этого значения, глагол русского языка

согреться имеет еще оттенок значения «согреть себя, свое тело (о ком-либо озябшем)» (СРЯ 1084: 180). В данном значении рассматриваемые лексеммы не являются синонимами. В эрзянском языке оба эти значения входят в лексико-семантическую структуру глагола *эжемс*. Поэтому в русской речи эрзянских дошкольников и младших школьников встречаются следующие высказывания: *Собачка потеплела* (вм. «согрелась») *на солнце*. (Мш: 7). *Деревья, потеплевшие* (вм. «согревшиеся») *от холода зимы, стоят и словно пляшут*. (Мш: 10). *Когда у деревьев начинают появляться почки, значит, земля теплеет* (вм. «согревается») (Мш: 11).

Лексеммы русского языка *трудный* и *тяжелый* синонимичны в значениях «требующий большого труда, усилий» и «выдерживаемый, переносимый с трудом, затруднительный, обременительный» (СРЯ 1981–1984, т. 4: 418, 438). Они соотносимы с лексеммой эрзянского языка *стака*. Нами отмечен случай субституции наречия *тяжело* наречием *трудно* в значении «мучительно неприятно», отсутствующим в лексико-семантической структуре последнего: *Ему стало трудно вспомнить* (вм. «тяжело вспоминать») *о своем поступке*. (Мш: 10).

2.4 Субституция стилистических синонимов

Наречия *сильно* и *очень*, используемые для передачи высшей степени, меры, интенсивности какого-либо признака, состояния, дифференцируются по сфере употребления. Слово *сильно* в рассматриваемом значении чаще употребляется в обиходно-разговорной речи. В эрзянском языке с ними соотносится наречие *пек*. Примеры ошибочного употребления: *Катя сильно* (вм. «очень») *любит читать*. (Мш: 8); *Те книги, которые сильно* (вм. «очень») *нравятся моему братику, он заставляет много раз читать*. (Мш: 9); *Зайцу сильно* (вм. «очень») *больно*. (Дш: 6).

Дети в большинстве своем не умеют выбирать нужное, наиболее подходящее для данного конкретного случая слово. Они обычно употребляют слова-доминанты: *хороший* вместо *славный, добрый, прекрасный*; *маленький* вместо *малый, крошечный, крохотный* и т.д.

2.5 Субституция слов русского языка, не являющихся синонимами, в результате семантического сдвига, обусловленного унифицированным обозначением соответствующих понятий в эрзянском языке

В разносистемных языках, каковыми являются русский и эрзянский, не всегда совпадают значения кажущихся одинаковыми слов. Эрзянских дошкольников и младших школьников затрудняет использование в

русской речи глаголов перемещения в пространстве, т.к. их семантическая структура несколько иная, чем структура соответствующих глаголов в эрзянском языке. Как уже отмечалось выше, эрзянские глаголы движения указывают направление движения безотносительно к средствам, с помощью которых оно совершается, например: *приехать* и *прийти* – в эрз. языке *самс*; *въехать* и *войти* – *совамс*; *выйти*, *выехать* – *лисемс*; *уехать*, *улететь*, *уйти* – *туемс* и др. В связи с этим в русской речи эрзянских детей встречаются следующие ошибки интерферентного характера: *Сестра **пришла** из Саранска.* (Дш: 7); *Мой брат в Саранске **ушел** учиться.* (Мш: 8); *Летом мы **ходили** на экскурсию в Ульяновск.* (Мш: 8; 9); *Мой отец **пришел** на тракторе.* (Дш: 6; Мш: 7); *Моя бабушка **ездила** на самолете далеко.* (Мш: 8); ***Пойдем** на машине.* (Мш: 7); *Нашу деревню из города **приходят** много людей.* (Мш: 10); *Здесь живут звери. Из них некоторые зимой за едой деревню **ходят**.* (Мш: 10); *Дети вышли в улицу **ходить** на лыжах с горы.* (Мш: 8); *Я **ходил** в Москву.* (Дш: 7); *Мы **ходили** Пензу. Опоздали на другом поезд, другом **пошли**.* (Мш: 6); *По небу **летели** (вм. **плыли**) две тучки.* (Мш: 10); *Самыми первыми **пришли** с юга грачи.* (Дш: 7; Мш: 9); *Когда вырасту, **уйду учиться** в университет.* (Мш: 8); *Я **пойду** учиться в Саранск и буду врачом.* (Мш: 9; 10).

Носитель русского языка в предложениях *Я прилетел*; *Я приехал*; *Я пришел* каждый раз сообщает не только о том, что он прибыл, но и как это сделал, т.е. одновременно указывает и на средство передвижения. Человек, сообщая такую же информацию на эрзянском языке, всегда употребляет слово *сынъ* «пришел», обязательно добавляя название самого средства передвижения. Поэтому дети, говоря по-русски, стремятся уточнить способ передвижения даже тогда, когда он заложен в семантике русского глагола: *Летом к нам **приезжают на поезде** гости.* (Мш: 7); *Брат **прилетел на самолете**.* (Дш: 6); *Я **летал на самолете на север**.* (Мш: 9); *Мы **пешком ходили** в лес на экскурсию.* (Мш: 8); *Осенью мы **поедем на автобусе** в Саранск.* (Мш: 7); *Я хочу **поплавать на парходе** по реке.* (Мш: 8); *Мы **приехали** домой **на машине** поздно.* (Мш: 9); *Ты **прилетел на самолете** к нам или **приехал по железной дороге на поезде**?* (Мш: 9); *Я **ехал** (вм. «приехал») из деревни **на машине**.* (Дш: 7).

В устной и письменной речи детей встречаются следующие сочетания с русскими прилагательными *новый* и *молодой*, *свежий*: *У нас опять **молодой** (вм. «новый») учитель.* (Мш: 8); *К нам **пришла** в садик*

молодая (вм. «новая») *воспитательница*. (Дш: 6; 7); *Весной появляется новая* (вм. «молодая») *травка*. (Мш: 10); *Почтальон несет новые* (вм. «свежие») *газеты*. (Мш: 8; 9); *На картинке папа читает новую* (вм. «свежую») *газету*. (Дш: 6; 7); *Сегодня мама испекла новый* (вм. «свежий») *хлеб*. (Мш: 7, 9); *В магазин из Атяшева привозят новый* (вм. «свежий») *хлеб и другие продукты*. (Мш: 10); *Из газет люди узнают новые* (вм. «свежие») *новости*. (Мш: 10).

Интерферентные явления вызваны тем, что в русском языке понятия, которые передаются словами *новый* и *молодой*, в эрзянском языке унифицируются и выражаются одним словом *од* (*од ломань*, *од кудо*). Отсюда и: *дом новый* и *человек новый* (вм. «молодой»). Субституция лексем *новый* и *свежий* вызвана особенностями их употребления в русском языке.

Другие примеры: *Я вылил* (вм. «высыпал») *соль*. (Дш: 6; Мш: 7; 8); *Девочка пролила* (вм. «просыпала») *пшено*. (Мш: 8); *Мука вылилась* (вм. «высыпалась») *из мешка*. (Мш: 10). Эта неточность объясняется тем, что в мордовских языках в некоторых случаях, не дифференцируются понятия *вылить* и *высыпать*.

Лиса увидела Ваню ды начала думать, как обмануть (вм. «выманить») *еду*. (Мш: 10). В родном языке детей *обмануть* и *выманить* выражаются лексемой *манямс*.

Он (брат) выращивает (вм. «отращивает») *бороду*. (Дш: 6; Мш: 10) – в эрзянском языке русский глагол *выращивать* и *отращивать* обозначается одной лексемой *кастомс*.

Глагол *путомс* в эрзянском языке обозначаются одновременно несколько действий: «ставить» (куда-либо), «класть», «положить» (кого, что), «надеть» (шапку). Поэтому в русской речи детей встречаются такие выражения: *Мама положила* (вм. «поставила») *большую ложку для папы*. (Мш: 8); *Я положил* (вм. «поставил») *вазу с цветами на стол*. (Дш: 6; 7; Мш: 8; 9); *Поставь* (вм. «положи») *книги на стол*. (Мш: 9); *Положили* (вм. «поставили») *горшок с цветами на окно*. (Мш: 8); *Мальчик одел шубу, поставил на голову шапку* (вм. «надел»). (Дш: 6); *Мальчик взял у Тани шапку и поставил* (вм. «надел») *на снежную бабу*. (Мш: 9).

Глагол *аштемс* обозначает следующий ряд действий: «ставить», «установить», «положить» (кого-либо), «класть», «посадить» – вообще «находиться», «лежать». Отдельные значения глагола *аштемс* совпадают со значениями глагола «путомс», что и усложняет его употребле-

ние. В устной речи и письменных работах детей поэтому можно встретить выражения: *Книга **стоит*** (вм. «лежит») *на столе*. (Дш: 6); *Тетрадь **стоит*** (вм. «лежит») *на столе, а книжка ящичке*. (Дш: 7); *Они **положили*** (вм. «поставили») *велосипеды у дерева и ушли купаться*. (Мш: 10); *Птица **стоит*** (вм. «сидит» или «находится») *на крыше*. (Дш: 6; 7; Мш: 8); *Я бу этому теленку **поставила*** (вм. «дала» или «назвала») *имя Звездочка*. (Мш: 10). На эрзянский язык *назвать* (в значении «дать имя») переводится и как *лемдемс* или *путомс лем* (буквально: «поставить имя»): *Хлеб идет, сахар **ставят*** (вм. «кладут») *в чай*. (Мш: 10); *На одну лапу собака **поставила*** (вм. «положила») *голову и уснула так*. (Мш: 10); *Самовар **сидит*** (вм. «стоит») *на столе*. (Мш: 7); *Света **поставила*** (вм. «положила») *ручку на парту*. (Мш: 7); *Город **лежит*** (вм. «стоит») *на берегу реки*. (Мш: 8; 9); *Пальто повесил на шкаф, сапоги **положил*** (вм. «поставил») *под кровать*. (Мш: 8); *Яблоки **стоят*** (вм. «лежат») *в корзине*. (Дш: 6; 7); *Яблоки **стоят*** (вм. «висят») *на дереве*. (Дш: 7); *Яблоки **находятся*** (вм. «висят, растут») *в деревки*. (Дш: 6); *Мыло **стоит*** (вм. «лежит») *на мыльнице*. (Дш: 7; Мш: 8). Подобные ошибки встречаются не только в речи детей-эрзян, но и взрослых.

В связи с указанной особенностью русской речи мордвы нужно обратить внимание на высказывание В.И. Абаева: «При переходе с одного языка на другой можно в совершенстве усвоить произношение чужого языка, полностью овладеть его лексикой, не примешивая к ней ни одного слова из родного языка, но трудно, почти невозможно отрешиться целиком от привычных семантических связей и ассоциаций. Могу привести в пример самого себя. Я владею русской речью с детства, а последние 30 лет почти постоянно живу в русском окружении. И, однако же, я до сих пор нередко ловлю себя на том, что продолжаю мыслить на родном мне осетинском языке. Например, мне случается употребить глагол *положить* там, где следует сказать *поставить*: *положить стакан* вместо *поставить стакан*. Почему? Несомненно, потому, что в осетинском «положить» и «поставить» выражаются одним и тем же глаголом. С другой стороны, я до сих пор чувствую какое-то неудобство от того, что в русском языке «легкий» в смысле «нетяжелый» (по весу) и «легкий» в смысле «нетрудный» выражаются одним словом, а не двумя разными, как в осетинском...» (Абаев 1956: 66). Нужно отметить, что глаголы, обозначающие положение предмета или лица в пространстве (*лежать, стоять, сидеть, висеть*), имеют соот-

ветствующие эквиваленты и в эрзянском языке и, как правило, не вызывают затруднений.

Нами замечено, что слова русского и эрзянского языков по своему семантическому объему в основном не совпадают в переносном значении, и, как следствие этого, дети не употребляют такие семантические варианты слов, как, например, *высокая – низкая (температура); высокий – низкий (урожай, голос, лоб, поступок); легкий – тяжелый (воздух, завтрак, характер)*.

3. Нарушение правил лексической сочетаемости единиц русского языка при отождествлении синтагматических связей соотносимых слов русского и эрзянского языков

Известно, что в русском языке употребляются словосочетание *карие глаза*, но не *коричневые глаза* (хотя чисто фактически, если учитывать качество цвета, эти сочетания могли бы претендовать на существование). Законы лексической сочетаемости – сложное явление. Например, говорят: *вспыхнуло восстание, занялась заря, возник вопрос, завязалась беседа, сложилась ситуация, поднялся ветер, поднялся крик*. Во всех значениях глагол имеет одно значение «началась». Но каждое из сочетаний требует своей реализации этого значения. Нельзя сказать «вспыхнул вопрос», или «началась заря», или «занялась беседа» и т.д. Слово (словоформа) *беседа* грамматически безусловно сочетается со словом (словоформой) *занялась*, но лексически такое сочетание неправомерно.

Естественно, дети-билингвы, говоря на втором языке, пользуются законами сочетания слов родного языка. Как известно, сочетаемость тех или иных слов в зависимости от их значений в каждом языке представляет настолько специфическую систему, что ее полное усвоение на базе другого языкового опыта вызывает исключительные трудности. Приведем примеры русской речи эрзянских дошкольников и младших школьников:

Все сельские люди готовятся к посеву, чтобы снять осенью великий урожай. (Мш: 10). Словосочетание *сельские люди* является калькой эрзянского *велень эрицят*, имеющего значение «жители села, сельчане».

К нам приходил дяденька длинного роста. (Дш: 6; Мш: 7). В приведенной фразе калькируется выражение *кувака сэрь ломань* (букв. «человек длинного роста»). В литературном русском языке слово *рост* обычно сочетается с прилагательными *высокий, большой*. Словосочетания *высокий рост, большой рост* имеют нейтральное значение с точки зрения стилистических коннотаций. В их значениях также отсут-

ствует указание на телосложение (комплекцию) характеризуемого человека. По отношению к объекту характеристики, человеку, рассматриваемые словосочетания функционально тождественны прилагательному *высокий*: *человек высокого роста – высокий человек*. Прилагательное *длинный* является синонимом слову *высокий*, однако в сочетании с существительным *рост* не употребляется (Ожегов 2003: 119). Сфера его употребления ограничивается разговорной речью. К тому же, прилагательное *длинный* используется для характеристики очень высокого и обычно худощавого человека.

В русском языке крик домашних и диких животных, пение многих птиц передаются посредством особых глаголов: *кричать, орать, реветь, блеять, петь, пищать, мяукать* и т.д. Не все перечисленные глаголы имеют соответствия в эрзянском языке. В связи с такой особенностью родного языка, дети по-русски говорят: *овца кричит, мышка кричит, медведь кричит, петух кричит* и т.д. Например: *В небе журавли пели*. (Дш: 7; Мш: 10); *Синичка весело пела на ветке*. (Мш: 9); *Рано утром кукует петух*. (Дш: 7).

Беседа с детьми показывает, что очень часто они не улавливают смыслового различия между словами, которые перебирают в памяти, прежде чем сказать или написать. Они склонны считать, например, что в любом случае одинаково правильно сказать: *перец* (*лимон, вишня*) – *горький* (иногда вм. «кислый»). Или: *Школьники надели жаркие* (вм. «теплые») *штаны и куртки*. (Мш: 8); *Был горячий* (вм. «жаркий») *летний день*. (Мш: 8; 9). Таким образом, одно и то же «ключевое» слово используется в любом сочетании, независимо от требований лексической сочетаемости.

Все эти примеры позволяют утверждать: лексико-семантическая интерференция в русской речи эрзянских дошкольников и младших школьников является очень сильной, устойчивой, порой настолько многогранной, что трудно рассмотреть ее частные проявления вне связи с синтаксической и морфологической интерференцией. Многие ошибки носят когнитивно-семантический характер и отчасти являются общими для представителей финно-угорских языков в русском языке.

Литература

- Абаев, В.И. (1956) О языковом субстрате. *Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР* 9, 57–69.
- Биушкина, М.Р. *Основные индивидуально-типологические варианты смешанного двуязычия у мордвы-эрзи центральных районов Башкирской АССР*. Канд. дис. Тарту, 1978.
- Исаева, Т.А. (1965) Русская речь мордвы-эрзи. *Труды МНИИЯЛИЭ*, Вып. XXIX. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 3–133.
- Мосина, Н.М. (2001) *Эрзянская речь детей от 3 до 7 лет (морфологический и синтаксический анализ)*. Канд. дис. Саранск.
- Ожегов, С.И. (1990) *Словарь русского языка: 70000 слов*. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Русский язык.
- Ожегов, С.И. (2003) *Словарь русского языка: Ок. 53000 слов*. Под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. Москва: ОНИКС 21 век.
- Словарь русского языка* (1984): В 4 т. / АН СССР Ин-т рус яз.: Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. Т.4. С-Я. Москва: Русский язык.